

Георгий Вайнер, Аркадий Вайнер

Ощупью в полдень

*Часть сборника
Место встречи изменить нельзя
(сборник)*

**Аркадий Александрович Вайнер
Георгий Александрович Вайнер
Ощупью в полдень**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164793

*Аркадий Вайнер. Георгий Вайнер. Место встречи изменить нельзя: Эра милосердия. Ощупью в полдень: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-082721-3*

Аннотация

«Эра милосердия», «Визит к Минотавру», «Гонки по вертикали»... Остросюжетные романы братьев Вайнеров не одно десятилетие имеют культовый статус и по праву вошли в Золотой фонд отечественного детектива. Их любят и читают уже несколько поколений читателей.

«Ощупью в полдень». Спустя годы после событий, описанных в романе «Эра милосердия», Владимир Иванович Шарапов – настоящий профессионал, дослужившийся до звания подполковника, гордость управления, и уже сам делится опытом и знаниями и раскрывает секреты профессии молодому следователю Стасу Тихонову.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Понедельник	7
1	7
2	7
3	8
4	9
5	10
Вторник	11
1	11
2	11
3	14
Среда	17
1	17
2	19
3	21
4	23
5	24
Четверг	25
1	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер

Ощупью в полдень

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Пролог

Мысли перепутались... Ужасная горечь невероятного открытия комом стояла в горле. Зачем она приехала сюда? Убедиться, что этот человек – преступник? Столько лет – и одно лишь предательство, ложь, целая жизнь, сплетенная из лицедейства... Зачем он жил? Что ему было дорого? Чего он хотел в своей никчемной жизни? И какой ценой...

Она стояла на обочине тротуара, жадно вдыхала холодный воздух, пытаясь остановить, успокоить бешеный бой сердца, наметить план действий, принять окончательное решение – что делать?

Потом пошла узкой, протоптанной в снегу тропинкой к остановке автобуса на Сусоколовском шоссе. Шла медленно, усталой походкой. Она не замечала острого ледяного ветра, бившего в лицо жесткой снежной крупой, шла каким-то ломким механическим шагом, изо всех сил стараясь сбросить с себя тягостное бремя незаконченного разговора. Да что там кончать! И так все ясно. Надо позвонить. Она вспомнила, что на остановке автобуса видела телефонную будку. Да, надо позвонить – ей одной не развязать этот туго затянувшийся узел.

Принятое решение позволило наконец стряхнуть оцепенение. Она натянула перчатку и прибавила шагу. На слабо освещенном пустыре было безлюдно, раздавался лишь свист ветра да позади негромкий скрип снега под ногами – звук чьих-то шагов.

Она вспомнила его перекошенное от ненависти лицо, сладкий, ласковый голос, какие-то нелепые, лицемерные, визгливые слова...

Скрип снега позади усилился, кто-то нагонял ее, но не было сил и желания обернуться, она лишь слегка посторонилась на узкой тропинке, чтобы пропустить... Господи, как противно!.. Теперь все. И она довольна, что ей удалось все это понять, теперь все, теперь можно...

Она не успела додумать, потому что в это мгновение ощутила резкий, острый толчок в спину, горячую боль в груди, и мир раскололся на части – оглушительный звон, чудовищный грохот полыхнули в ушах. Желтые тусклые фонари на автобусной остановке ракетами взлетели в черно-серое заснеженное небо, стремительно закружились огненной каруселью лампы в окнах домов, и пронзительный звон умолк. И все исчезло...

* * *

Шарапов говорит медленно, не спеша, оглаживая и ровняя слова языком, лениво проталкивает их между губами. Поэтому у него в разговоре нет восклицательных знаков, изредка – вопросительные и бесперечь – тире. Шарапов долго думает, потом веско заканчивает:

– Нет, махорочка, что ни говори, штука стоящая. Возьми вот сигареты нынешние, особенно с фильтром. Крепости в них никакой – кислота одна. Изжога потом. Кислотность у меня очень нервная – чуть что не по ней, сразу так запаливает – соды не хватает. А из махры к концу дня свернешь «козу», пару раз затянешься – мигом мозги прочищает.

– Ну и как, прочистило сейчас?

– Трудно сказать...

Тихонов нетерпеливо барабанит пальцами по стулу:

– Непонятно, непонятно все это...

Шарапов спокоен:

– Поищем, подумаем, найдем.

– А если не найдем?

– Это вряд ли. И не таких находили...

– Тогда давайте думать! А не вести беседы про махорку!

Шарапов протягивает руку, снимает с электрической плитки закипевший чайничек.

– Ты, Тихонов, грубый и невыдержанный человек. И молодой. А я – старый и деликатный. Кроме того, я твой начальник. Таких, как ты, у меня тридцать. И с вами со всеми я думать должен. Поэтому думать мне надо медленно. Знаешь ведь, в каком деле поспешность потребна? А тут много непонятного.

Тихонов перелистывает первую страницу картонной папки, надписанной аккуратным канцелярским почерком: «Уголовное дело № 2834 по факту убийства гр-ки Т. С. Аксеновой. Начато – 14 февраля 196* года. Окончено...» И говорит:

– Хорошо. Поехали с самого начала...

Часть первая

Понедельник

1

Ветер успокоился, и снег пошел еще сильнее. Было удивительно тихо, и эту вязкую, холодную тишину внезапно распорол пронзительный скрипучий вопль. Потом еще раз и еще, как будто кто-то рядом разрывал огромные листы жести. И смолкло.

– Что это? – спросил Тихонов постового милиционера.

– Павлины. Их тут, в Ботаническом саду, в клетке держат. Прямо удивление берет – такая птица важная, а голос у нее – вроде в насмешку.

– Ладно. Дайте-ка фонарь.

Тихонов нажал кнопку, и струя света вырубилась в серебристой черни зимней ночи желтый, вспыхивающий на снегу круг, перечеркнутый пополам человеческим телом. Тихонов подумал, что в цирке так освещают воздушных гимнастов. Он опустил на колени прямо в сугроб и увидел, что снежинки, застрявшие в длинных ресницах, в волосах, уже не тают. Глаза были открыты, казалось, женщина сейчас прищурится от яркого света фонаря, снежинки слетят с ресниц и она скажет: «Некстати меня угораздило здесь задремать».

Но она лежала неподвижно и с удивленной улыбкой смотрела сквозь свет в низкое, запеленутое снегопадом небо. А снег шел, шел, шел, будто хотел совсем запорошить ее каменеющее лицо. Тихонов легко, едва коснувшись, провел по ее лицу ладонью, погасил фонарь, встал. Коротко сказал:

– В морг...

2

Тихонов держал сумку осторожно, за углы, медленно поворачивая ее под косым лучом настольной лампы. Черная кожа, блестящий желтый замок в тепле сразу же покрылись матовой испариной. Комочек снега, забившийся в боковой сгиб, растаял и упал на стол двумя тяжелыми каплями.

Стас щелкнул замком и перевернул сумку над листом белой бумаги. Сигареты «Ява», блокнот, шариковый карандаш, коробочка с тушью для ресниц, десятирублевка, мелочь, пудреница, белый платочек со следами губной помады. Из-за этого платка Стас почувствовал себя скверно, как будто без разрешения вошел в чужую жизнь и подсмотрел что-то очень интимное. Даже не в жизнь – сюда он опоздал. Он пришел в чужую смерть и, уже не спрашивая ни у кого согласия, будет смотреть и разбираться – до самого конца.

Из бокового кармашка сумки Тихонов вынул удостоверение и конверт. В коричневой книжечке с золотым тиснением написано: «Аксенова Татьяна Сергеевна является специальным корреспондентом газеты...» И сбоку – фото: лицо с большими удивленными глазами и улыбкой в уголках губ. Тихонов подумал, что обычно фотографии на документах почему-то удивительно не похожи на людей, личность которых они удостоверяют. А эта – похожа. Даже после смерти. Конверт был без марки, со штампом «Доплатное» и московскими штемпелями отправки и получения. Внутри лежал лист бумаги, неаккуратно вырванный из ученической тетрадки «в три косых». Размашистым почерком: «Вы – скверная и подлая женщина. Если

вы не оставите его в покое, то очень скоро вам будет плохо. Вы поставите себя в весьма опасное положение».

Тихонов покачал головой: неплохое начало... «Москва, Теплый переулок, д. 67, кв. 12. Аксеновой Т. С.».

Тихонов снял трубку:

– Адресное? Тихонов из МУРа. Дайте справочку на Аксенову Татьяну Сергеевну, журналистку... Так, так. Все правильно. Нет, это я не вам. Спасибо.

Обратного адреса на конверте нет. Письмо было получено два дня назад.

В блокноте исписаны только первые две страницы. Собственно, не исписаны, а изрисованы. Какие-то фигурки, половина человеческого корпуса, потом незаконченный набросок одутловатого мужского лица. И отдельные короткие фразы, слова между рисунками: «Корчитя бес», «Белые от злобы глаза», «Старик Одуванчик», «Страх растворяет в трусах все человеческое», «Ужасно, что все еще...»

Тихонов пробормотал себе под нос:

– Как жаль, что я не владею дедуктивным методом...

3

... – Гражданка Евстигнеева, расскажите теперь все по порядку.

– С самого начала?

– С самого...

– Значит, Нюра приехала ко мне насчет холодильника...

– Нюра – это Анна Лапина?

– Ну конечно! Кто же еще! У нее очередь на «ЗИЛ», а у меня на «Юрюзань». Она, значит, говорит, что, мол, твоя очередь еще не скоро, а у меня...

– Надежда Петровна, начните с того момента, как вы вышли на улицу.

– Так, пожалуйста! Значит, полдевятого Нюра стала собираться, а я ей говорю: «Давай до автобуса провожу». А дом мой, значит, прямо напротив гостиницы «Байкал», наискосок немножко. Я говорю Нюре: «Ты здесь не садись на автобус, здесь всегда народу полно. Пошли лучше через пустырь, там последняя остановка двадцать четвертого. Все сойдут, а ты сядешь, вокруг гостиницы объедешь, зато до самого центра сидеть будешь. За пятак, как в такси, поедешь». Ну, и пошли, значит. Тропинка там утоптана...

– Скажите, пожалуйста, тропинка прямо к автобусной остановке выходит?

– Нет, остановка на Сусоколовском шоссе. А на краю пустыря, значит, дом шестнадцать стоит, вот как его обойдешь, тут и остановка будет. Мужчина этот самый еще у начала тропинки нас с Нюрой обогнал. А впереди-то и шла убитая.

– На каком расстоянии от вас шла женщина, которую убили?

– А кто его знает! Вам же точно надо? А я разве меряла. Думаю, что шагов пятьдесят. А может, шестьдесят... Если б заранее знать...

Тихонов внимательно слушал, стараясь тщательно рассортировать все, что говорила эта расстроенная пожилая женщина. Ведь она и ее подруга Анна Семеновна Лапина были единственными очевидцами убийства.

– Как выглядел мужчина?

– Как? Обыкновенно вроде. Высокий, в кепке, пальто, кажись, было темное...

... – Гражданка Лапина, а вы не разглядели его лицо?

– Да где же? Темно ведь. Тропинка узкая, я спиной к нему повернулась, когда он нас обгонял.

– По тропинке двое рядом могли идти? Или одному надо было посторониться?

– Так я ж про то и говорю! Одному отступить надо было, не то нога в снег проваливалась.

– А какая сумка у него в руке была?

– Да это, по-моему, и не сумка вовсе, а чемоданчик. Вот вроде как студенты носят.

– Вы бы могли этого человека опознать?

Женщина подумала, помялась:

– Не, боюсь грех на душу взять. Темно ведь было. Так и в тюрьму человека ни за что упечь можно.

– Так просто человека в тюрьму не упекают... Давайте дальше. На тропинке вас было четверо: вы с Евстигнеевой, перед вами мужчина, перед ним – эта женщина...

– Правильно. Когда дошли до середины пустыря, женщина уже подходила к самому краю, а мужчина ее нагонял. Потом пошел впереди. Потом подняла голову, смотрю – ни его, ни ее не видать. Прошли мы еще немного, а она, горемыка, глядь, лежит на снегу. А его уж и след простыл.

– Давайте еще восстановим последний момент, когда все были на тропинке. Вы видели, как он обгонял женщину?

– Да, видела.

– После этого они сразу исчезли из виду?

– Нет. Я еще видела, как он шел немного впереди, а она сзади.

– Сколько метров было приблизительно от вас до них?

– Да, так, если на глаз, метров пятьдесят, наверное.

– Если мы выедем на место, вы сможете показать, где вы все находились?

– Думаю, что смогу...

4

«...ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я, судебно-медицинский эксперт Сорокин, на основании изучения обстоятельств дела и данных судебно-медицинского исследования тела гражданки Аксеновой Т. С., двадцати восьми лет, с учетом:

1) характера раневого канала, направленного сзади вперед, сверху вниз, несколько слева направо и слепо заканчивающегося на внутренней поверхности четвертого левого ребра;

2) особенностей краев раны – круглой формы, ровных, без осаднения;

3) наличия в левой лопаточной кости округлого отверстия, повторяющего форму оружия, диаметр которого соответствует размеру раны;

4) отсутствия поясков осаднения и ожога, – прихожу к заключению, что смерть Аксеновой наступила в результате проникающего ранения левого легкого и сквозного ранения сердца с последующей тампонадой его, причиненного длинным (не менее 17—18 см) остроконечным орудием, действующим по направлению своей продольной оси, вероятнее всего, толстым шилом...»

Тихонов даже присвистнул:

– Ничего себе! Шилом!

Шарапов еще раз внимательно просмотрел акт экспертизы.

– Да-а, дела...

У Шарапова привычка такая: «да» он говорит врасстяжку, будто обдумывая следующее слово.

– Шилом. Надо же! Так что у тебя есть, Стас?

– Вот смотрите, Владимир Иванович: план, составленный по обмеру и показаниям Евстигнеевой и Лапиной на месте убийства. Длина тропинки – сто восемнадцать метров. Тело Аксеновой лежало на расстоянии двадцати четырех метров от дома шестнадцать. Обе свидетельницы утверждают, что неизвестный обогнал Аксенову метров за десять – двенадцать до этого места. Это-то и непонятно. После того как он ударил ее шилом в спину – больше ведь и некому, – она сделала еще около двадцати шагов и упала, даже не вскрикнув.

Шарапов осмотрел лист с одной стороны, потом зачем-то перевернул его вверх ногами. С обратной стороны лист был покрыт столбиками цифр; они умножались, складывались, делились, вычитались.

– Что это за арифметика?

Стас прищурил глаз от дыма.

– Да пришлось вспомнить: «Пешеход вышел из пункта А в пункт Б, через час следом за ним выехал велосипедист...»

Шарапов кивнул:

– Понял. Что получили?

– Исходные данные у меня очень приближенные. Я сделал три варианта: на разную скорость ходьбы убийцы, убитой и свидетельниц. Потом три варианта на разную засечку интервалов, через которые Евстигнеева и Лапина видели Аксенову и убийцу на тропинке. Потом привел их к средним результатам.

– И что?

– Несообразность. Лапина говорит, что, взглянув в последний раз перед собой, никого на тропинке не увидела. А убийцу, по моим расчетам, она должна была увидеть. Уже после того, как Аксенова упала.

– Ладно, поехали на место...

5

Все длилась эта бесконечная ночь. Снегопад немного стих, и прожектор оперативной машины просвечивал почти всю тропинку – от дома шестнадцать до корпусов гостиницы «Байкал».

Шарапов сказал:

– Здесь она упала. Ему осталось пройти всего метров десять – потом он исчез в тени от дома шестнадцать. Видишь, дом заслоняет свет фонарей на шоссе. Поэтому Лапина его и не видела.

– Может быть, – сказал Тихонов. – Но что-то здесь не то...

Он махнул рукой – и прожектор на оперативной машине погас.

Мгла, непроницаемая, прошитая белесыми стежками снегопада, повисла над пустырем.

Они прошли по тропинке до шоссе, где ветер на столбах с визгом раскачивал фонари. Последней дорогой Тани Аксеновой, которую она не прошла до конца. Здесь снегопад сатанел совершенно, мокрые снежинки липнули к лицу, лезли в рукава и за шиворот. Хлопнула сухо, как затвор, дверца машины, и Шарапов сказал:

– На Петровку...

Вторник

1

Ключ слегка заедало в замке, и, чтобы открыть дверь, его надо было быстро покрутить несколько раз налево-направо, подергать туда и обратно. Тихонов чертыхнулся, но ключ повернул все-таки нежно, дверь открылась. В кабинете было сине от утренних зимних сумерек и холодно. «Черти хозяйственники, – меланхолично подумал Стас, – окна, наверное, заклеят к Первомаю». Стекло покрылось толстой узорной изморозью. Не снимая пальто, Тихонов подошел к столу и включил электрическую плитку. Медленно, лениво вишневила спираль, теплые струйки воздуха стали ласкаться о покрасневшие замерзшие пальцы. «Перчатки на меху надо купить», – так же безразлично подумал Стас и сразу забыл об этом. Снял пальто, толстый мохеровый шарф бросил на спинку стула. После вчерашней ночи он чувствовал себя разбитым. От теплого воздуха плитки его снова потянуло в сон. «Хорошо бы пойти в ночные сторожа. Сидишь себе в тулупе, в валенках, в малахае на свежем воздухе. И спишь. Красота. А утром сменился – и снова спишь. Лафа!» Стас засмеялся тихонько, вспомнив это слово. Во время войны у всех мальчишек высшую степень блаженства обозначало слово «лафа». А потом, так же неожиданно, как и появилось, оно исчезло.

Тихонов потянулся изо всех сил – затрещали суставы. Бабушка говорила в детстве: «Смотри, выскочат все кости из гнезд, будешь вбок-поперек расти».

Тихонов встал, походил по кабинету. Начнем обзванивать автобусное хозяйство. Звякает диск телефонного аппарата.

Шесть цифр:

– Пожалуйста, дайте начальника эксплуатации.

Шесть цифр:

– Попросите к телефону старшего диспетчера.

Шесть цифр:

– Линейную службу прошу.

Шесть цифр:

– Начальника четвертой колонны. А! Очень приятно. Говорит старший инспектор МУРа Тихонов. Нет-нет, с вашими ничего не случилось. Вы мне сообщите, пожалуйста, каков интервал движения двадцать четвертого маршрута в районе Владыкина между двадцатью и двадцатью одним часом. Сколько? Одиннадцать минут? Так. Теперь второй вопрос. Сообщите фамилии водителей, проехавших Владыкинский конечный круг с двадцати часов двадцати минут до двадцати часов сорока пяти минут. Записываю. Гавриленко – двадцать двадцать шесть, Демидов – двадцать тридцать семь, Ласточкин – двадцать сорок восемь. Спасибо. Когда они работают сегодня? Очень хорошо. До свидания.

«Так... Шоферы будут в пять. Поеду к Аксеновой домой. Ну и разговор мне там предстоит! У родных такое горе, а мне ведь детали нужны. Ладно, поеду, посмотрю по ситуации...»

2

Тихонов вышел на Петровку, обогнул Екатерининскую больницу, двинулся по Страстному бульвару к Пушкинской площади. На воздухе сонливость прошла. Негромко поскрипывал под каблуками снег, заваливший скамейки высокими «купецкими» перинами. Стас на ходу зачерпнул ладонью ком тяжелого мягкого снега, скатал тугой, жесткий шарик и бро-